

Уилки КОЛЛИНЗ

Отель с привидениями

ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Уильям Уилки Коллинз
Отель с привидениями
Серия «Всемирная литература»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67787654

Отель с привидениями: 1;

ISBN 978-5-04-170605-0

Аннотация

От автора знаменитых произведений «Лунный камень» и «Женщина в белом» ещё один захватывающий роман викторианской эпохи – «Отель с привидениями: Тайна современной Венеции».

Английский писатель Уильям Уилки Коллинз (1824—1889) по праву считается основоположником так называемого «сенсационного романа», впоследствии разделившегося на приключенческий и детективный жанры. Коллинз – признанный мастер интриги и увлекательного сюжета. Умелое сочетание в одном произведении таинственного, детективного, нравоописательного и романтического – залог небывалого читательского успеха его романов и рассказов.

Графиня Нарона выходит замуж за лорда Монтрабрри, жениха Агнес Локвуд, и увозит его в путешествие, которое заканчивается в старинном палаццо Венеции. Станные вещи происходят в этом особняке, исчезновение, смерть... Проходит немного времени, и

захудалое палаццо превращается в фешенебельный отель. Но нет покоя в этом месте, что-то сводит с ума постояльцев отеля.

Погрузитесь в атмосферу страшных тайн, попробуйте провести ночь в номере 14 лучшего отеля Венеции, если осмелитесь!

В сборник вошли повести и рассказы Коллинза, также наполненные мистикой и элементами детектива.

Содержание

Отель с привидениями	6
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	31
Часть вторая	43
Глава 1	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Уилки Коллинз

Отель с привидениями

© Харитонов В., перевод на русский язык. Наследники, 2022

© Брилова Л., перевод на русский язык, 2022

© Воронин В., перевод на русский язык. Наследник, 2022

© Кулагина-Ярцева В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Отель с привидениями

Тайна современной Венеции

Часть первая

Глава 1

В 1860 году из лондонских врачей известнейшим был доктор Уайбрау. Надежная молва приписывала ему едва ли не богатейший доход, доставляемый в наши дни медицинской практикой.

Однажды днем, уже к концу лондонского сезона¹, после особенно трудного утреннего приема, имея еще изрядное число домашних визитов на остаток дня, доктор только-только покончил с ланчем, как лакей объявил, что с ним желает говорить дама.

– Кто она? – спросил доктор. – Пациентка?

– Да, сэр.

– Для пациентов есть приемные часы. Скажите ей, когда приходить.

– Я говорил, сэр.

¹ Светский сезон (май – июль) в Лондоне.

– И что же?

– Она не уходит.

– Не уходит? – с улыбкой повторил доктор. Он был не без чувства юмора, и нелепость ситуации развлекла его. – Эта настойчивая дама назвала себя? – спросил он.

– Нет, сэр. Она отказалась назваться, сказала, что не отнимет у вас и пяти минут, а дело чрезвычайно важное и до завтра не терпит. Она в приемной, и как выдворить ее оттуда, я не представляю.

Доктор Уайбрау с минуту размышлял. Более чем тридцатилетний богатый опыт дал ему знание женщин (профессиональное, разумеется), он перевидал их всякого рода – особенно же ту их породу, что не считается со временем и не преминет воспользоваться привилегиями своего пола. Взгляд на часы подтвердил, что ему пора начинать визиты к домашним больным. В сложившихся обстоятельствах оставался один-единственный выход. Ему оставалось, коротко говоря, одно – бежать.

– Экипаж у калитки? – спросил он.

– Да, сэр.

– Отлично. Без малейшего шума откройте парадное, а дама пусть себе остается в приемной. Когда она утомится ожиданием, скажите ей все как есть. Если она спросит, когда я возвращаюсь, скажите, что я обедаю в клубе, а вечером иду в театр. С богом, Томас. И тише! Если вы скрипнете сапогами, я погиб.

Он неслышно направился в переднюю, лакей шел за ним на цыпочках.

То ли дама в приемной что-то заподозрила, то ли скрипнули сапоги Томаса, а слух у нее оказался острый, только именно так оно все и случилось: в ту самую минуту, когда доктор Уайбрау миновал приемную, дверь отворилась, на пороге встала дама и ухватила его за руку.

– Умоляю вас, сэр, не уходите, прежде не выслушав меня. У нее был иностранный выговор, низкий и твердый голос. Ее пальцы мягко и при этом решительно сжимали его руку.

Ни ее слова, ни цепкая хватка не заставили бы его выполнить эту просьбу. Его вынудило остановиться безмолвно говорящее лицо. Он был буквально оглушен кричащим несоответствием его мертвенной бледности – свету и жизни в стальном сверкании ее больших черных глаз. Она была одета в темное с отменным вкусом; среднего роста и, судя по всему, средних лет – что-нибудь тридцать с небольшим. Такие точеные черты, красиво очерченный нос, губы и подбородок чаще достаются иностранкам, нежели уроженкам Англии. Безусловно, красивая женщина, когда бы не эта ее смертельная бледность и не столь заметная жесткость взгляда. Первоначально поразившись ее внешности, доктор теперь, можно сказать, сгорал от профессионального любопытства. Другого такого случая, может статься, никогда не представится в его практике. «Похоже, так оно и есть, – думал он. – На это

не жалко времени».

Сознавая, что произвела на него сильное впечатление, дама отпустила его руку.

– В свое время вы утешили многих страдалиц, – сказала она. – Утешьте еще одну.

Не ожидая ответа, она вернулась в комнату.

Доктор вошел за ней и затворил дверь. Он усадил ее в кресло для пациентов, против окна. В тот летний день даже лондонское солнце ослепительно светило. Ее затопил сверкающий поток. Пронзительные, орлиные глаза даже не моргнули. По гладкому, без единой морщинки, лицу пугающе разливалась матовая бледность. У доктора впервые, сколько он себя помнил, зачастило сердце в присутствии пациента.

Но странно: завладев его вниманием, она, похоже, ничего не могла ему сказать. Эту решительную женщину словно охватила непонятная апатия. Вынужденный заговорить первым, доктор заурядным образом спросил, чем может ей помочь.

Звук его голоса, казалось, пробудил ее. По-прежнему не моргая от света, она отрывисто сказала:

– Я задам вам трудный вопрос.

– Какой же?

Ее взгляд, медленно двигаясь, остановился на его лице. Внешне ничем не выдавая волнения, она облекла «трудный вопрос» в довольно необычные слова:

– Умоляю вас, мне нужно знать, не грозит ли мне опас-

ность сойти с ума.

Кого-то, возможно, позабавят эти слова, кого-то встревожат. Доктор же Уайбрау ощутил лишь досаду. Тот ли это редкий случай, каким он представился ему при первом беглом взгляде? Не ипохондрик ли она, эта его новая пациентка, чье заболевание сводится к расстроенному желудку, а все несчастья от недалекого ума?

– Почему вы пришли ко мне? – спросил он ее резко. – Почему бы не посоветоваться с врачом, который специализируется на душевных заболеваниях?

У нее был наготове ответ.

– Я не пойду к такому врачу, – сказала она, – именно по этой причине: он специалист, у него губительная привычка все разложить по полочкам, которые он сам же выстроил. Я пришла к вам, потому что мой случай не годится ни для какой полочки. Вы известны в своих кругах разгадками таинственных заболеваний. Вы удовлетворены?

Он был более чем удовлетворен: в конце концов, его первая мысль оказалась правильной. Кроме того, она была верно осведомлена о его положении в медицинском мире.

Именно способность – и в этом ему не было равных – выявить признаки надвигающегося заболевания доставила ему славу и богатство.

– Я в вашем распоряжении, – ответил он. – Попробуем выяснить, что с вами происходит.

Он задал ей необходимые вопросы, на которые она отве-

чала быстро и четко, и вынужден был заключить, что душевно и физически эта странная дама пребывала в полном здравии. Не удовлетворившись вопросами, он ее внимательно прослушал, простучал. Нет, ни осмотр, ни стетоскоп не обнаружили ничего тревожного. С замечательным терпением и внимательностью, отличавшими его еще в студенческие годы, он продолжал всесторонне обследовать ее. Результат оставался прежним. Не говоря уже о мозговых нарушениях, даже нервного расстройства не обнаружилось и следа.

– Я ничего у вас не нахожу, – сказал он. – Я даже не могу объяснить причины вашей необычайной бледности. Вы ставите меня в тупик.

– Бледность – это пустое, – ответила она с некоторым нетерпением. – В молодости я едва не умерла от отравления. С тех пор у меня этот цвет лица и такая чувствительная кожа, что от румян высыпает безобразная сыпь. Но это неважно. Я хотела, чтобы вы определенно высказали свое мнение. Я верила в вас, а вы меня разочаровали. – Она уронила голову на грудь. – Это конец, – горько вымолвила она.

Доктора кольнула жалость. А может, укол почувствовало его профессиональное достоинство?

– Все еще может кончиться хорошо, если вы решитесь помочь мне.

Она вскинула на него загоревшиеся глаза.

– Скажите откровенно, – проговорила она, – как я могу вам помочь?

– Если откровенно, мадам, вы для меня загадка. И вы предоставляете мне искать разгадку средствами моего искусства, не подавая никакой помощи. Мое искусство может многое, но не все. Наверняка что-то произошло, отчего вы встревожились, причем это не имело никакого отношения к вашему физическому состоянию. Иначе бы вы не пришли ко мне. Я не прав?

Она сжала руки на коленях.

– Вы правы! – жарко выдохнула она. – Я снова начинаю в вас верить.

– Отлично. Вы не можете рассчитывать на то, что я раскрою духовную природу вашей тревоги. Я могу только засвидетельствовать, что ее физические причины отсутствуют. Но должен вам сказать, что, если вы мне не доверитесь, ничего больше я сделать не смогу.

Она встала и прошла по комнате.

– Допустим, я расскажу, – сказала она. – Но имейте в виду: я не назову никаких имен!

– Нет никакой нужды называть имена. Мне нужны только факты.

– Факты – это пустое, – возразила она. – Я могу поведать вам лишь свои ощущения, после чего вы, скорее всего, сочтете меня фантазеркой. Что поделать? Постараюсь вам угодить: вот вам ваши факты. И право слово, они не очень помогут вам.

Она снова села и, насколько это возможно сделать про-

стыми человеческими словами, обрушила на доктора удивительную, дикую исповедь – ничего подобного ему не доводилось слышать.

Глава 2

– Во-первых, сэр, я вдова. А во-вторых, я выхожу замуж.

Она умолкла и улыбнулась своим мыслям. Доктора Уайбрау покорила эта улыбка, в ней было что-то одновременно грустное и жестокое: она медленно раздвинула ее губы и тут же погасла. Он снова засомневался, правильно ли поступил, поддавшись первому впечатлению. Его мысли не без грусти вернулись к заждавшимся его заурядным больным с их простыми болячками.

Дама между тем продолжала:

– В мой предстоящий брак, – сказала она, – вмешивается одно обстоятельство. Джентльмен, чьей женой я стану, уже был помолвлен, когда случайно встретил меня за границей; причем эта дама доводится ему родней, она его кузина. Не ведая того, я отняла у нее возлюбленного и поломала жизнь. Я говорю «неведомо для себя», поскольку он мне сказал о помолвке после того, как я приняла его предложение. Когда мы уже потом встретились в Англии и, разумеется, возникла опасность, что я узнаю о ней, – тогда он и сказал мне правду. Само собой, я вознегодовала. У него было наготове оправдание: он показал мне собственноручное письмо этой дамы, в

котором она расторгала помолвку. В жизни не приходилось мне читать более благородного, более великодушного письма. Я рыдала над ним, хотя не умею оплакать и собственные невзгоды. Будь в нем хоть малейшая надежда на прощение, я бы определенно отказала. Но твердость – причем без капли гнева, без слова упрека, даже с искренними пожеланиями счастья, – эта вот твердость, говорю я, не оставляла никакой надежды. Я оказалась мягкосердечной, я сказала: «Хорошо, я согласна». И через неделю (я не могу без содрогания думать об этом) мы поженимся.

Она точно содрогнулась и вынуждена была прерваться, собраться с силами, прежде чем смогла продолжать. Не получая никаких фактов, доктор испугался, что его ждет долгий рассказ.

– Извините за напоминание, но меня ждут больные люди, – сказал он. – Чем скорее вы заговорите по существу, тем лучше будет для них и для меня.

Снова на ее губы набежала эта странная улыбка – сразу грустная и жестокая.

– Все, что я говорю, я говорю по существу, – ответила она. – Вы убедитесь в этом через минуту... – Она продолжала свою историю: – Вчера – не бойтесь, я не буду углубляться в прошлое дальше вчерашнего дня, – вчера я была приглашена на ваш английский ланч. Некая дама, совершенно незнакомая мне, пришла с опозданием, когда мы уже встали из-за стола, и сразу прошла в гостиную. Случилось так, что

она села рядом со мной. Нас представили. Заочно мы знали друг друга. То была женщина, у которой я похитила возлюбленного, та самая женщина, что написала такое благородное письмо. Теперь извольте слушать! Вы досадовали, не находя ничего интересного для себя в моих словах, а я говорила это все для того, чтобы вы поняли: у меня не было неприязненных чувств к этой даме. Я восхищалась ею, сочувствовала ей – мне не в чем упрекнуть себя. Это очень важно, как вы сейчас убедитесь. Что касается ее, то я полагала, что ей изложили все обстоятельства и она понимает: я никоим образом не заслуживаю упрека. Так вот, после этого необходимого уведомления объясните мне, если можете, почему, поднявшись с кресла и встретив взгляд этой женщины, я похолодела с головы до пят, почему меня бросило в дрожь, почему я впервые в жизни извела смертельный страх.

Доктор наконец проявил интерес к рассказу.

– Может быть, вас чем-нибудь поразила внешность этой дамы? – спросил он.

– Абсолютно ничем! – бурно возразила та. – Вот вам ее портрет. Самая обычная англичанка: ясные, холодные голубые глаза, слабым румянцем подернутое лицо, безразлично-вежливый вид, крупные, мягкие губы и довольно полные щеки и подбородок – только и всего, ничего особенного.

– Так, может, когда вы взглянули на нее, вас поразило что-нибудь в выражении ее лица?

– Она с понятным любопытством смотрела на женщину,

которую предпочли ей, и еще, возможно, дивясь тому, что эта женщина не блещет красотой и обаянием; эти оба чувства отражались на ее лице, сколько позволяли приличия – не больше нескольких секунд, – пока я вообще что-то видела. Я говорю «пока», поскольку мучительное волнение, которое она мне внушила, помутило мое сознание. Если бы я добралась до двери, я бы бежала из этой комнаты – так она меня напугала. Но я даже стоять не могла – я просто упала в кресло. Я в ужасе глядела в эти спокойные голубые глаза, взиравшие на меня с тихим изумлением. Сказать, что они меня гипнотизировали, – значит ничего не сказать. Это глядела ее душа и видела меня насквозь без всякого усилия с ее стороны. Я передаю вам свое впечатление – со всем ужасом и безумием, какие там были. Эта женщина, хотя сама она о том и не ведает, назначена быть моим злым гением. Ее невинный взгляд высмотрел во мне ростки зла, о которых я не подозревала, и я чувствовала, как под этим взглядом они воспрянули. Если я в будущем наделаю ошибок, если даже совершу преступление, она покарает меня, причем не по собственной даже воле – в этом я твердо убеждена. В одну минуту я все это поняла – и, очевидно, это сказалось на моем лице. Эта добрая, бесхитростная душа даже встревожилась за меня: «Боюсь, вам в этой комнате слишком жарко. Вот понюхайте соль». Я еще слышала ее добрый совет, но потом уже ничего не помню – потеряла сознание. Когда я пришла в чувство, все гости уже разошлись, со мной оставалась только хо-

зьяйка дома. С минуту я ничего не могла ей сказать, то ужасное чувство, которое я пыталась описать, вернулось ко мне вместе с сознанием. Обретя речь, я умоляла ее рассказать мне всю правду об этой женщине, чье место я заняла. Понимаете, во мне теплилась надежда, что она, быть может, не заслуживает своей доброй славы, что в том благородном письме она искусно лицемерила, что, короче говоря, она втайне ненавидела меня и ей хватило ума скрыть это. Но нет! Хозяйка сызмала знала ее, они были между собой как сестры, и своей добротой, невинностью и неспособностью кого-либо ненавидеть та равнялась с самыми великими святыми. Так рухнула последняя надежда – моя надежда на то, что я испытала всего-навсего чувство опасности перед лицом врага. Но оставалась еще одна попытка, и я ее предприняла. Я отправилась к человеку, за которого выхожу замуж. Я умоляла его вернуть мне мое согласие. Он отказал. Я заявила, что сама расстрою нашу помолвку. Он показал мне письма от своих сестер, братьев, близких друзей: те заклинали его подумать еще раз, прежде чем жениться на мне; все передавали слухи, ходившие обо мне в Париже, Вене и Лондоне, а в них одна гнусная ложь.

«Если вы откажетесь выходить за меня замуж, – сказал он, – вы признаете правдивость этих слухов, признаете, что боитесь предстать перед обществом в качестве моей жены».

Что я могла ответить на это? Возразить было нечего – он был совершенно прав: упорствуй я в своем отказе – и ре-

зультатом станет полное крушение моей репутации. Я согласилась на венчание, как было договорено, и ушла. Прошла ночь, и я пришла к вам с окрепшим убеждением: этой невинной женщине суждено сыграть роковую роль в моей жизни. Я пришла к вам с одним-единственным вопросом, и вы единственный человек, который может на него ответить. Спрашиваю вас последний раз, сэр: кто я – демон, видевший ангела-мстителя, или всего-навсего жалкая жертва повредившегося рассудка?

Доктор встал, полный решимости прекратить беседу.

Услышанное произвело на него сильное и тягостное впечатление. Чем дольше он слушал ее, тем больше крепло в нем убеждение в порочности этой женщины. Напрасно пытался он увидеть в ней человека, заслуживающего сострадания, человека с болезненно впечатлительным воображением, сознающего готовность к злу, которая таится и в наших душах, и честно старающегося открыть свое сердце и испить вину благим порывом. Переломить себя он не смог. Какое-то упрямое чувство удерживало его только что не словами: «Остерегитесь довериться ей!»

– Я уже высказал вам свое мнение, – сказал он. – Медицина, насколько я могу судить, не видит признаков расстройства вашего рассудка или угрозы такового. А что до впечатлений, о которых вы поведали, могу только сказать, что это тот редкий случай, когда, смею думать, требуется скорее духовная помощь, нежели медицинская. В одном можете быть

уверены: все, что вы сказали мне в этой комнате, не выйдет за ее стены. Ваша исповедь будет сохранена в тайне.

С какой-то обреченной покорностью она выслушала его до конца.

– Это все? – спросила она.

– Это все, – ответил он.

Она положила на стол маленький конверт с деньгами.

– Благодарю вас, сэр. Вот ваш гонорар.

С этими словами она поднялась. Ее устремленные вверх безумные темные глаза выражали столько отчаяния и невысказанной муки, что доктор отвернулся, не в силах вынести это зрелище. Его покорила сама мысль – взять у нее что-либо, до чего она коснулась, не говоря уже о деньгах. По-прежнему не глядя на нее, он сказал:

– Заберите, мне не нужен гонорар.

Она либо пропустила его слова мимо ушей, либо просто не слышала. Все так же не опуская глаз, она медленно выговорила:

– Пусть приходит конец. Я перестая бороться, я смиряюсь.

Она опустила вуаль, кивнула доктору и вышла из комнаты.

Он позвонил и последовал за ней в переднюю. Когда слуга закрыл дверь, доктора вдруг охватило любопытство, недостойное его и тем не менее совершенно неодолимое. Покраснев как мальчик, он сказал слуге:

– Следуйте за ней до дома и выясните ее имя.

Тот с минуту смотрел на хозяина, не веря своим ушам. Доктор Уайбрау молча обменялся с ним взглядом. Зная цену этому молчанию, послушный слуга взял шляпу и поспешил на улицу.

Доктор вернулся в приемную. У него резко переменилось настроение. Не оставила ли эта женщина заразу, которую он подхватил? Какой бес обуял его, что он уронил себя в глазах собственного слуги? Он вел себя позорно – он сделал шпионом человека, столько лет беспорочно служившего ему. Одна эта мысль причиняла ему мучительную боль. Он выбежал в переднюю, открыл дверь. Слуги уже не было видно, и звать его было поздно. Оставалось одно утешение – работа. Он сел в экипаж и отправился объезжать своих больных.

Если когда и мог знаменитый целитель поколебать свою репутацию, так это в тот самый день. Никогда еще не был он так сух с больными. Никогда еще не откладывал на завтра то, что следовало сделать сегодня: выписать рецепт, дать свое заключение. Донельзя недовольный собой, он вернулся домой раньше обычного.

Слуга воротился еще раньше. Доктору Уайбрау было совестно спрашивать его. Не ожидая вопроса, слуга сам отчитался в своей миссии:

– Имя дамы – графиня Нарона. Она живет...

Не желая слышать адрес, доктор кивком подтвердил важность открывшегося имени и прошел в приемную. Гонорар,

который он не смог вернуть, так и лежал на столе в белом конвертике. Он переложил его в большой конверт, запечатал, написал на нем «В пользу бедных» и адрес ближайшего полицейского суда, потом позвал слугу и велел ему утром же передать это судье. Не забывавший своих обязанностей слуга, помедлив, задал обычный вопрос:

– Обедать будете дома, сэр?

Поколебавшись, тот сказал:

– Нет, я обедаю в клубе.

Самой покладистой моральной категорией является так называемая совесть. В одном душевном состоянии совесть строго судит человека, выносит ему приговор; в другом же они прекрасно договариваются между собой, поделив ответственность. Когда доктор Уайбрау вторично уходил из дома в тот день, он даже не пытался скрыть от себя, что решил обедать в клубе с единственной целью: послушать, что говорят в свете о графине Нароне.

Глава 3

В былые времена, желая развлечь себя сплетнями, мужчина шел в дамское общество. Сейчас он поступает умнее. Он идет в курительную комнату своего клуба.

Доктор Уайбрау раскурил сигару и огляделся вокруг. Весь светский конклав собрался. В комнате было достаточно народу, однако общий разговор не клеился. Сам того не ожи-

дая, доктор внес требуемое оживление. Когда он поинтересовался, не знает ли кто графиню Нарону, ответом ему был едва ли не общий вопль изумления.

— Такой странный вопрос, — заключил конклав, — здесь еще не звучал. Всякий мало-мальски светский человек знает графиню Нарону.

Авантюристка, оставившая по себе в Европе самую худую славу, — так они все аттестовали его гостью с мертвенным цветом лица и сверкающими глазами.

Переходя к подробностям, каждый внес свою лепту в скандальную биографию графини. Было сомнительно, та ли она, за кого себя выдает, то есть уроженка Далмации. Сомнительно, была ли она замужем за графом, чьей вдовой она себя объявляет. Сомнительно, точно ли братом доводится ей ее спутник в путешествиях, называющий себя бароном Риваром. Молва называла барона завсегдатаем всех карточных столов на континенте. Молва нашептывала, что в Вене его так называемая сестра едва не оказалась замешанной в громком деле об отравлении; что в Милане ее знали как австрийскую шпионку; что в ее парижских апартаментах полиция раскрыла частный игорный дом; что нынешнее ее появление в Англии было следствием этого разоблачения. И только один из собравшихся в курительной комнате вступился за поруганную даму, заявив, что о ней судят чересчур строго и несправедливо. Но человек этот был адвокатом, и его вмешательство ни к чему не привело: нашли, что в нем го-

ворит дух противоречия, вообще свойственный людям этой профессии. Его язвительно спросили, как он находит обстоятельства помолвки графини, и он характерно ответил, что эти обстоятельства делают честь обеим сторонам и что, по его мнению, у будущего супруга завидный жребий.

Выслушав все это, доктор исторгнул долгий вопль изумления, поинтересовавшись именем джентльмена, за которого графиня готовится выйти замуж.

Курящие собратья единодушно признали, что знаменитый доктор не кто иной, как второй Рип Ван Винкль², и что он только сейчас пробудился от своего фантастического двадцатилетнего сна. Похвально, конечно, что человек весь ушел в свою профессию и у него нет ни времени, ни желания ловить обрывки сплетен за обеденными столами и на балах. Но когда человек не знает, что графиня Нарона заняла в Гомбурге³ деньги не у кого иного, как у лорда Монтбарри, а потом обманно вынудила предложение руки и сердца, такой человек, может статься, никогда не слышал и о самом лорде Монтбарри. Тут развеселившаяся клубная молодежь послала лакея за «Книгой пэров» и зачитала, к вящей пользе доктора, заметку об упомянутом аристократе, перемежая чтение дополнительной информацией от себя:

– «Герберт Джон Уэствик. Первый барон Монтбарри, из

² Герой одноименной новеллы В. Ирвинга, прославивший Войну за независимость и образование Американской республики.

³ Курортный город с игорными домами в прусской провинции Гессен-Нассау.

Монтбарри в Королевском графстве Ирландия. Возведен в звание пэра за отличную военную службу в Индии. Родился в 1812 году». Сейчас, значит, доктор, ему сорок восемь лет. «Не женат». Через неделю доктор женится на прелестнице, о которой мы говорили. «Предполагаемый наследник, второй брат его светлости, – Стивен Роберт; женат на Элле, младшей дочери преподобного Сайласа Мардена, ректора Раннигейта, имеет трех дочерей. Младшие братья его светлости, Фрэнсис и Генри, не женаты. Сестры его светлости: леди Барвилл замужем за сэром Теодором Барвиллом, баронетом; и Анна, вдова Питера Норбери, эсквайра из Норбери Кросс». Хорошо запомните родственников лорда, доктор. Три брата: Стивен, Фрэнсис и Генри Уэствики – и две сестры: леди Барвилл и миссис Норбери. Все пятеро будут отсутствовать на венчании, все пятеро сделают все возможное, чтобы его предотвратить, если графиня допустит хоть малейшую оплошность... Добавьте к этим враждебным членам клана еще одну оскорбленную родственницу, в «Книге», правда, не упомянутую молодую леди.

Поднявшийся возмущенный ропот пресек дальнейшие разоблачения:

– Не упоминайте несчастную, тут негоже глумиться. В бесчестье она повела себя благородно. Только одно может извинить Монтбарри: либо он безумец, либо дурак.

В таких словах высказалось единодушное возмущение. Посекретничав с соседом, доктор выяснил, что речь шла об

известной ему (по исповеди графини) даме, которую оставил лорд Монтбарри. Звали ее Агнес Локвуд. Судя по рассказу, она была много привлекательнее графини и несколькими годами моложе ее. Притом что мужчины каждый божий день творят глупости из-за женщин, чудовищное ослепление Монтбарри далеко превосходило все известное. В этом пункте сошлись все, включая адвоката. Ни одному не припомнились бесчисленные примеры, когда даже не притязавшие на красоту женщины пробуждали необоримое вожделение; и те самые члены клуба, которых графиня, при всех ее несовершенствах, очаровала бы без труда, задайся она этой целью, – они же больше всех поражались выбору Монтбарри.

Замужество графини еще всецело владело общим разговором, когда в курительную вошел член клуба, с чьим появлением воцарилась мертвая тишина. Сосед доктора Уайбрау шепнул:

– Брат Монтбарри – Генри Уэствик.

Горько усмехнувшись, вошедший обвел взглядом собрание.

– Вы говорите о моем брате, – сказал он. – Не обращайтесь на меня внимания. Никто не презирает его больше меня. Продолжайте, джентльмены, продолжайте.

Лишь один из присутствующих поймал его на слове – заступник графини.

– Я остаюсь в одиночестве, – сказал он, – однако мне не стыдно повторить мое мнение в чем бы то ни было присут-

ствии. Я считаю, что с графиней Нароной обходятся жестоко. Отчего ей не стать женой лорда Монтбарри? Кто решится сказать, что в этом браке ею движут корыстные расчеты?

Брат Монтбарри резко повернулся к говорившему.

— Я осмелюсь утверждать это, — ответил он.

Такой ответ мог сбить любого. Адвокат даже не дрогнул.

— А я уверен в своей правоте, — возразил он, — и утверждаю, что доход его светлости только-только поддерживает его положение; далее, что этот доход почти целиком извлекается из недвижимости в Ирландии, каковая вся до последнего акра есть неотчуждаемая собственность.

Брат Монтбарри сделал знак, что покуда у него нет возражений.

— Если его светлость умрет первым, — продолжал адвокат, — по моим сведениям, единственное содержание, которое он оставит своей вдове, будет арендное содержание собственности, а это не более четырех сотен в год. Пенсия и выплаты, естественно, прекратятся с его смертью. Поэтому все, что достанется графине, — это четыреста фунтов в год, если он оставит ее вдовой.

— Четыреста фунтов не все, что он оставит, — последовал ответ. — Мой брат застраховал свою жизнь на десять тысяч фунтов, всю эту сумму в случае своей смерти он завещал графине.

Это заявление произвело сильное действие. Все переглядывались, повторяя поразительные слова «десять тысяч

фунтов». Прижатый к стене, адвокат предпринял последнюю попытку удержаться на своей позиции.

— Могу я спросить, кто включил это соглашение в брачный контракт? — спросил он. — Уж, верно, не сама графиня?

— Брат графини, — ответил Генри Уэствик, — а это одно и то же.

Сказать больше было нечего — во всяком случае, в присутствии брата лорда Монтбарри. Разговор перешел на другие темы, и доктор отправился домой.

Однако нездоровое его любопытство в отношении графини все еще не было утешено. На досуге он нет-нет и раздумывал о том, удастся ли семейству лорда Монтбарри в конце концов расстроить этот брак. Больше того, его разбирало желание увидеть этого потерявшего голову человека. В немногое оставшееся до венчания время он каждый день заходил в клуб, рассчитывая услышать что-нибудь новое. Но все оставалось по-прежнему, насколько это было известно в клубе. Положение графини было прочным; решение Монтбарри сделаться ее супругом несколько не поколебалось. Они оба были католиками, поэтому венчаться им предстояло в капелле на Испанской площади. Вот, собственно говоря, и все, что узнал доктор.

В день бракосочетания, немного поборовшись с собой, он так пожертвовал своими больными и гинеями и тайком отправился посмотреть венчание. До самого последнего дня он будет гневаться на всякого, кто напомним ему об этом при-

ключении.

Венчание носило сугубо приватный характер. Перед церковными дверьми стоял закрытый экипаж; внутри здания различалось несколько фигур, в основном простой люд, большинство пожилые женщины. Доктор Уайбрау узнал некоторых своих клубных собратьев, как и он привлеченных сюда любопытством. У алтаря стояли четверо: жених, невеста и двое свидетелей – пожилая женщина, возможно компаньонка или горничная графини, и, несомненно, ее брат, барон Ривар. Гости со стороны невесты, как и сама невеста, были в обычном выходном платье. В отношении внешности лорд Монтбарри был типичный военный средних лет: ни лицом, ни фигурой он не выделялся. И барон Ривар, со своей стороны, тоже являл собой распространенный и хорошо известный тип. Эти колючие усы, нагловатый взгляд, завитую шевелюру, молодцеватую посадку головы сотни раз встретишь на парижских бульварах. Единственной его примечательной чертой было то, что он нимало не походил на свою сестру. И священник, совершавший обряд, был безобидный, угодливый старикашка, кое-как отправлявший свою службу и с трудом опускавшийся на ревматические колени. Единственно, кто привлек к себе внимание, была сама графиня, но она подняла вуаль только с началом службы, а в скромном ее платье и разглядывать было нечего. Трудно себе представить более скучное и менее романтическое венчание. Время от времени доктор оглядывался на двери, глядел на хо-

ры, смутно ожидая появления какого-нибудь протестующего незнакомца, владевшего страшной тайной и посланного прекратить этот обряд. Но ничего подобного не происходило – ничего из ряда вон выходящего, ничего драматического. Объявленные мужем и женой, те двое ушли в сопровождении своих свидетелей расписываться в приходской книге. А доктор Уайбрау все ждал, он еще упорно надеялся на то, что должно же произойти нечто, заслуживающее внимания.

Новобрачные вышли и рука об руку направились из церкви. При их приближении доктор Уайбрау отступил назад, но графиня, к его смущению, высмотрела его. Он услышал, как она сказала мужу:

– Одну минуту, я вижу своего друга.

Монтбарри кивнул и остановился.

Она подошла к доктору, взяла его за руку и сильно сжала ее. Он сквозь вуаль почувствовал нестерпимый взгляд ее темных глаз.

– Видите, еще один шаг на пути к концу! – Прошептав эти странные слова, она вернулась к мужу.

Доктор еще собирался с мыслями, когда лорд и леди Монтбарри сели в свой экипаж и уехали.

Снаружи, перед дверьми церкви, стояли три-четыре члена клуба, как и доктор Уайбрау наблюдавшие церемонию из любопытства. Рядом с ними в одиночестве стоял брат невесты. Очевидно, ему хотелось на свету разглядеть человека, с которым разговаривала его сестра. Его нагловатые глаза с

подозрением ощупали лицо доктора. Но вот облачко развеялось, барон с очаровательной любезностью улыбнулся, поднял шляпу, приветствуя сестриноного друга, и ушел.

На ступенях церкви составилась клубный конклав. Начали с барона:

– Чертовски мерзкий вид у этого афериста!

Потом досталось Монтбарри:

– Он собирается везти эту ужасную женщину в Ирландию?

– Ну что вы! Как он посмотрит в глаза своим арендаторам? Они все знают про Агнес Локвуд.

– Понятно. Тогда куда же он направляется?

– В Шотландию.

– И она согласилась?

– Это всего на пару недель. Они вернутся в Лондон и уедут за границу.

– И уже никогда не вернутся в Англию?

– Как знать! Вы заметили, как она посмотрела на Монтбарри, когда подняла вуаль в начале службы? На его месте я бы дал тягу. Вы ее видели, доктор?

Но к этому времени доктор уже вспомнил про своих пациентов, и с него было достаточно клубных сплетен. Он последовал примеру барона Ривара и удалился.

«Видите, еще один шаг на пути к концу», – повторял он про себя, направляясь домой.

К какому концу?

Глава 4

В тот день, когда те двое вступили в брак, в маленькой гостиной своей лондонской квартиры Агнес Локвуд в одиночестве сжигала письма, которые в минувшее время писал ей Монтбарри.

Тот язвительный портрет, что набросала графиня в разговоре с доктором Уайбрау, и близко не передавал обаяния, составлявшего самую примечательную черту Агнес, — безыскусного выражения доброты и чистоты, привлекавших всякого, кто ее видел. Она выглядела много моложе своих лет. Светлолицая и застенчивая, она легко сходила за девочку, хотя на самом деле приближалась уже к тридцати. Она жила с преданной няней на скромный доход, которого хватало как раз на них двоих. Ни следа понятной грусти не было на ее лице, когда она медленно рвала письма и бросала обрывки в огонь, специально для того разведенный. К несчастью для себя, она была из тех женщин, которые слишком глубоко чувствуют, чтобы выплакаться. Бледная и спокойная, она холодными подрагивающими пальцами уничтожала одно письмо за другим, не отваживаясь напоследок перечесть их. Она как раз рвала последнее, чтобы бросить его в прожорливое пламя, как вошла старая няня и спросила, желает ли она видеть «мастера⁴ Генри», имея в виду самого младшего из се-

⁴ Вежливое обращение слуги к сыну хозяина.

мейства Уэствик, того самого, кто публично порицал своего брата в курительной клуба.

Агнес помедлила в нерешительности. Слабый румянец выступил у нее на лице.

Много воды утекло с тех пор, как Генри Уэствик признался ей в своей любви. Она же призналась ему в том, что сердце ее отдано старшему брату. Он примирился с порушенными надеждами, и с тех пор они общались дружески и по-родственному. Никогда прежде он не связывался у нее с неприятными воспоминаниями. Но сегодня, когда его брат, обвенчавшись с другой женщиной, окончательно предал ее, ей почему-то было неприятно его видеть. Помнившая их еще маленькими детьми, старая няня терпеливо выжидала. Она, конечно же, симпатизировала Генри и потому поспешила ему на помощь:

– Он говорит, что уезжает, дорогая, и просто пришел проститься.

Эта простая причина возымела свое действие. Агнес решила принять кузена.

Тот вошел так стремительно, что обрывки последнего письма Монтбарри она бросила в огонь уже при нем. Она поспешила заговорить первой:

– Ты так неожиданно уезжаешь, Генри. Дела? Или развеяться?

Вместо ответа он ткнул пальцем в догоравшее письмо и черный пепел, устилавший дно камина:

– Ты жжешь письма?

– Да.

– Его письма?

– Да.

Он мягко взял ее за руку.

– Я не знал, что вторгаюсь, когда тебе надо побыть одной.

Прости, Агнес. Я навещу тебя, когда вернусь.

Слабо улыбнувшись, она показала ему на кресло.

– Мы знаем друг друга с детства, – сказала она. – Чего ради я буду играть в самолюбие перед тобой? Зачем мне иметь от тебя секреты? Некоторое время назад я отослала твоему брату все его подарки. Мне посоветовали сделать больше – ничего не оставлять, что могло бы напомнить о нем. Словом, сжечь его письма. Я последовала этому совету, но, признать-ся, когда я рвала это последнее письмо, у меня дрогнула рука. Нет, не потому, что оно последнее, а потому, что в нем было вот это.

Она раскрыла ладонь и показала ему локон Монтбарри, перевязанный золотой нитью:

– Что ж, пусть сгорит заодно со всем.

Она бросила локон в огонь. С минуту она стояла спиной к Генри, держась за каминную доску, и глядела в огонь.

Он сел в кресло, выражая лицом противоречивые чувства: в глазах у него стояли слезы, а брови сердито хмурились. Он пробормотал себе под нос:

– Черт бы его взял!

Она собралась с духом и свой вопрос задала, уже повернувшись к нему лицом:

– Так почему ты уезжаешь, Генри?

– У меня скверное настроение, Агнес, и я хочу сменить обстановку.

Она не сразу продолжила разговор, по его лицу она явно видела, что, отвечая на ее вопрос, он думал о ней. Она чувствовала к нему благодарность, но ее душа была не с ним: ее душа еще была с человеком, который ее оставил. Она снова отвернулась и уставилась в огонь.

– Это правда, – спросила она после долгого молчания, – что они поженились сегодня?

Его односложный ответ прозвучал резко:

– Да.

– Ты был в церкви?

Он возмутился вопросу.

– «В церкви»? – повторил он. – Да я бы скорее пошел... – Он вовремя сдержался. – Как ты можешь спрашивать? – продолжал он тише. – Я не разговаривал с Монтбарри, не виделся с ним с тех пор, как он выказал себя перед тобой подлецом и дураком, кем он и является на деле.

Она молча вскинула на него глаза. Он понял ее и попросил прощения, однако ярость его не унялась.

– Расплата, – сказал он, – настигает иных еще в этой жизни. Он еще расскажет в том, что женился на этой женщине.

Агнес села в соседнее кресло и поглядела на него с легким

удивлением.

– Можно ли так сердиться на нее лишь потому, что твой брат предпочел ее мне? – спросила она.

– Тебе совсем некого защищать в этом мире, кроме графини? – резко оборвал ее Генри.

– А почему не защищать ее? – удивилась Агнес. – Я ничего дурного про нее не знаю. В тот единственный раз, что мы виделись, она была такая растерянная, беспокойная, у нее был совершенно больной вид, и она действительно была нездорова настолько, что потеряла сознание, хотя там было не жарче, чем в моей комнате. Почему не отдать ей справедливость? Мы знаем, что у нее не было никакого намерения сделать мне плохо; ей ничего не было известно о моей помолвке...

Генри нетерпеливо поднял руку, призывая ее к молчанию.

– Так можно оправдать и простить все что угодно, – перебил он ее. – Мне не по душе твоя терпимость, когда с тобой обошлись самым безобразным образом. Постарайся забыть их обоих, Агнес. Господи, если бы я мог тебе помочь в этом!

Агнес взяла его за руку.

– Ты очень добр ко мне, Генри. Но ты не совсем правильно понимаешь меня. Я сама и мои неприятности представлялись мне совсем в ином свете, когда ты вошел. Неужели мое чувство к твоему брату, задавала я себе вопрос, которое без остатка заполняло мое сердце и востребовало все лучшее во мне и истинное, – неужели оно может пройти и не оставить

о себе никакой памяти? Я уничтожила последние свидетельства, напоминавшие мне о нем. В этой жизни я его больше не встречу. Но неужели узы, которые некогда связывали нас, распались окончательно? И я отторгнута от его жизни со всеми ее радостями и огорчениями, как если бы мы никогда не знали и не любили друг друга? Что ты об этом думаешь, Генри? Я не могу в это поверить.

– Если бы ты могла его наказать, как он того заслуживает, – твердо ответил Генри Уэствик, – я бы, пожалуй, мог согласиться с тобой.

Едва он кончил говорить, как в дверях появилась старуха няня с известием о новом госте.

– Простите, что тревожу вас, милая. Миссис Феррари хочет узнать, когда она сможет сказать тебе несколько слов.

Задержав ее, Агнес повернулась к Генри:

– Ты ведь помнишь Эмили Бидуэлл, мою любимую ученицу в деревенской школе, хотя это было давно? Потом она была у меня горничной. Она ушла, когда вышла замуж за итальянца Феррари, курьера⁵, и, боюсь, у них не очень хорошо обстоят дела. Ты не будешь возражать, если я минуточку-другую поговорю с ней?

Генри стал прощаться.

– В другое время я бы с удовольствием повидал Эмили, – сказал он, – а сейчас мне лучше уйти. У меня душа не на месте, Агнес. Задержись я у тебя, не дай бог, наговорю та-

⁵ Здесь: агент, обслуживающий путешественников.

кого, чего лучше сейчас не говорить. Вечером на почтовом я переберусь через Ла-Манш – и посмотрим, как-то мне помогут несколько недель в другой обстановке. – Он взял ее за руку. – Хотя что-нибудь я могу для тебя сделать? – настоятельно спросил он.

Поблагодарив, она постаралась тихо высвободиться. Он удержал ее подрагивающей рукой.

– Благослови тебя Бог, Агнес, – сказал он запнувшимся голосом, не в силах поднять на нее глаза.

Ее лицо вспыхнуло и в следующую секунду покрылось смертельной бледностью. Она знала его сердце так же хорошо, как он сам его знал, и от переживаний не могла вымолвить ни слова. Он поднес ее руку к губам, жарко поцеловал ее и, по-прежнему не глядя на нее, вышел из комнаты. Хромавшая следом няня проводила его до лестницы. Она не забыла о неудавшемся соперничестве младшего брата за руку Агнес.

– Не падайте духом, мастер Генри, – шепнула старуха со здоровой бесцеремонностью простолюдинки. – Попробуйте ее еще разок, когда вернетесь.

Оставшись одна, Агнес прошла по комнате, стараясь успокоиться. Она остановилась перед маленькой акварелью на стене, доставшейся ей от матери. Там была она сама маленькой девочкой. «На сколько бы мы были счастливее, – грустно подумала она, – если бы никогда не вырастали».

Вошла, почтительно приседая и часто покашливая, жена

курьера – кроткая, понурая пигалица со светлыми ресницами и слезящимися глазами. Агнес приветливо пожала ей руку.

– Ну, Эмили, что я могу для тебя сделать?

На это жена курьера дала странный ответ:

– Даже боюсь говорить вам, мисс.

– Что, такая обременительная просьба? Садись, я хочу послушать, как ты живешь. Может, за разговором просьба сама собой выскажется. Как с тобой обходится муж?

Светло-серые глаза Эмили совсем заволоклись слезами. Она покачала головой и обреченно вздохнула:

– Пожаловаться, мисс, вроде бы и не на что, только, боюсь, не думает он обо мне. И к дому потерял интерес, даже, могу сказать, скучно ему дома. Для нас обоих было бы лучше, мисс, если бы он уехал куда с путешественниками, не говоря уж про деньги, которых с грехом пополам хватает. – Она поднесла к глазам платок и вздохнула совсем безнадежно.

– Я не очень понимаю, – сказала Агнес. – По-моему, твой муж подряжался везти нескольких дам в Италию и Швейцарию?

– Тут ему не повезло, мисс. Одна леди заболела, а другие без нее не поехали. Они заплатили ему месячное жалованье как компенсацию, а нанимали ведь на осень и зиму, так что он много потерял.

– Сочувствую, Эмили. Будем надеяться, что скоро ему представится другой случай.

– Теперь не его очередь, мисс, когда в контору придут новые заявки на курьеров. Их там столько сейчас сидит без работы. Вот если бы его рекомендовали в частном порядке...
– Она многозначительно смолкла.

Агнес поняла ее без лишних слов.

– То есть вам нужна моя рекомендация, – сказала она. – Что же ты сразу не сказала?

Эмили залилась краской.

– А как бы ему это было кстати! – сказала она, смущаясь. – Сегодня в контору пришло письмо, интересуются хорошим курьером. Договор на шесть месяцев, мисс. А на очереди другой, и секретарь, конечно, будет его рекомендовать. Если бы муж мог отправить с той же почтой свои рекомендации с одним-единственным словечком от вашего имени, мисс, то чаша весов, как говорится, может, и склонилась бы в его пользу. Для господ частная рекомендация большое имеет значение.

Она снова замолчала, снова вздохнула и уставилась в ковер, словно имела причину стыдиться за себя.

Агнес стала утомлять таинственность, с которой высказывалась ее гостья.

– Если ты хочешь, чтобы я повлияла на кого-нибудь из моих друзей, почему ты не назовешь имя?

Жена курьера пустила слезу:

– Мне стыдно, мисс.

– Что за чушь, Эмили! Либо назови имя, либо оставим

этот разговор.

Эмили предприняла последнюю отчаянную попытку. Она судорожно скомкала платок и выпалила:

– Лорд Монтбарри.

Агнес поднялась и взглянула на нее.

– Ты меня огорчаешь, – сказала она ровным голосом, хотя такого лица жена курьера у нее никогда прежде не видела. – Ты достаточно знаешь, чтобы понимать невозможность для меня сношений с лордом Монтбарри. Я всегда предполагала в тебе некоторую чуткость. Очень жаль, что я ошиблась.

При всей своей потерянности Эмили как должное восприняла упрек. Она понуро скользнула к двери.

– Простите меня, мисс. Ей-богу, я не такая дурная, как вы думаете. Все равно простите меня. – Она открыла дверь.

Агнес позвала ее. Это извинение с оговоркой смутило ее честное и великодушное сердце.

– погоди, – сказала она. – Нельзя так расставаться. Я не хочу обмануться в тебе. Что, по-твоему, я должна сделать?

На сей раз у Эмили хватило ума отвечать без околичностей:

– Мой муж отошлет свои рекомендации лорду Монтбарри в Шотландию, и я хотела, чтобы вы позволили ему приписать в письме, что, мол, знаете его жену с детства, что благополучие в нашей семье вам не безразлично. Сейчас я уже этого не прошу, мисс. Я теперь вижу, что я плохо придумала.

– Да так ли уж плохо? – Нахлынувшие воспоминания и

нынешние горести заступались перед Агнес за эту женщину. – Не бог весть что ты просишь, – сказала она с отзывчивостью, на которую всегда была готова. – Но вряд ли я могу допустить, чтобы в письме твоего мужа упоминалось мое имя. Повтори еще раз, что именно он хочет сказать.

Эмили повторила и еще подала совет, в глазах людей непишущих исполненный особого значения:

– Может, вы проверите, мисс, как это смотрится в письме?

Смешная мысль, но Агнес уступила.

– Если я позволю вам упомянуть мое имя, то нужно решить, что именно вы должны сказать.

И она набросала несколько простых и ясных слов: «Осмелюсь доложить, что мою жену ребенком знала мисс Агнес Локвуд, которая по этой причине отчасти заинтересована в моем благосостоянии». Упоминание ее имени в одной-единственной фразе даже не предполагало, что Агнес могла это позволить или вообще об этом знала. Поборов последние сомнения, она передала листок Эмили.

– Твой муж должен переписать это в точности, ничего не меняя, – предупредила она. – Только на этом условии я выполняю твою просьбу.

Эмили была растрогана до глубины души. Агнес поспешила выпроводить ее из комнаты.

– Ступай же, пока я не раскаялась и не забрала записку обратно, – сказала она.

Эмили исчезла.

«Неужели узы, которые некогда связывали нас, распались окончательно? Неужели я отторгнута от его жизни со всеми ее радостями и огорчениями, как если бы мы никогда не знали и не любили друг друга?» Агнес бросила взгляд на каминные часы. И десяти минут не прошло с тех пор, как она задавалась этим же глубокомысленным вопросом. Поразительно, насколько будничным получился ответ на него. Вечерняя почта напомнит Монтбарри о ней, когда он будет выбирать себе слугу.

Через два дня она получила несколько благодарственных строк от Эмили. Ее муж получил это место. Феррари наняли самое малое сроком на шесть месяцев.

Часть вторая

Глава 1

Пробыв в Шотландии всего неделю, милорд и миледи неожиданно вернулись в Лондон. Мельком повидав озера и горы на севере, ее светлость не пожелала углублять знакомство с ними. Когда поинтересовались причиной того, она отвечала с римским лаконизмом:

– Я видела Швейцарию.

Еще неделю молодожены прожили в Лондоне в совершенном затворничестве. В один из этих дней, исполнив поручение Агнес, няня вернулась домой в небывалом возбуждении. Она видела, как из дома с вывеской модного дантиста выходил лорд Монтбарри собственной персоной. Эта добрая женщина не без злорадства расписала его до крайности болезненный вид:

– Щеки, дорогая, впали, а борода совсем стала седая. Надеюсь, дантист его еще помучит!

Зная, с каким жаром ненавидит изменщика преданная ей няня, Агнес сделала скидку на значительную долю преувеличения в представленной картине. Новость была досадна тем, что посеяла в ней тревогу. Если она среди бела дня разгуливает по улицам, куда лорд Монтбарри остается в Лон-

доне, то какие могут быть гарантии, что в следующий раз он не столкнется с нею? И следующие два дня, коря себя за недостойное поведение, она безвыходно провела дома.

На третий день светская хроника оповестила читателей газет, что лорд и леди Монтбарри отбыли в Париж и далее проследуют в Италию.

Зашедшая в тот же вечер миссис Феррари рассказала, что муж распрощался с ней самым нежным образом; маячившая за граница сильно смягчила его нрав. Из слуг, ехавших с путешественниками, была еще только горничная леди Монтбарри, женщина замкнутая, необщительная, как передавала Эмили. Брат ее светлости, барон Ривар, был уже на континенте. По договоренности он должен был ждать сестру и зятя в Риме.

Скучные недели сменяли одна другую в жизни Агнес. Она с замечательным мужеством переносила свое положение; в часы вынужденного досуга читала или рисовала, не упуская ни единой возможности отвлечься от печальных воспоминаний. Но она так преданно любила, так глубока была ее рана, что вся ее духовная работа не приносила нужного утешения. Общаясь с ней в будничной обстановке, люди обманывались насчет ее внешнего спокойствия и заключали, что мисс Локвуд, похоже, справляется со своими невзгодами. Однако старая, еще со школьных лет, подруга, повидав Агнес в свой краткий наезд в Лондон, несказанно расстроилась перемене в ней. Эта дама была миссис Уэствик, жена

второго брата лорда Монтбарри, в «Книге пэров» названного предполагаемым наследником. Сам он был в отъезде, при-
сматривал за своими рудниками в Америке. Миссис Уэствик настаивала, чтобы Агнес поехала с ней к ним в Ирландию.

– Поживи со мной, пока нет мужа. Побудешь за старшую у моих троих девчушек; из чужих в доме только гувернантка, и я заранее знаю, что она тебе понравится. Собирай вещи, и завтра я заеду за тобой перед поездом.

Приглашение было сделано от чистого сердца, и Агнес с благодарностью его приняла. Она провела три счастливых месяца под кровом у своей подруги. Девочки висли на ней в слезах, когда она уезжала, младшенькая просила взять ее с собой в Лондон. Наполовину в шутку, наполовину всерьез она сказала старой подруге при прощании:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.